

вання, мусимо зауважити, що питання взаємодії в семіосфері феномена Гоголя культурно-національного та мовного шарів є більш широким, ніж нам випало окреслити. Ми навмисне не торкнулися психолінгвістичного аспекту творчості письменника, не проаналізували й великої гами співвідношень його світоглядних позицій і культурних кодів з авторськими формами поетики. Феномен Гоголя полягає не стільки й не тільки у визначенні націокультурних домінант його творчості, скільки у відповіді на кардинальне питання щодо окреслення природи виникнення й функціонування феномена *випісненого іншого* рідної культури у свідомо обраній для реалізації цього іншого провідній, але нерідній мові, нерідній культурі, нерідній сфері буття свідомості.

Література

1. Вересаев В. Гоголь в жизни. – Харьков, 1990. – 680 с.
2. Гуревич Л. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М., 1990. – 375 с.
3. Гончар О. Щоденники: У 3 т. – Т. 3. – К., 2004. – 606 с.
4. Гоголь Н. Духовная проза. – М., 2003. – 476 с.

Г.А.Киричок

У границы миров автора и его героев (Денисов В. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н.В.Гоголя). – СПб.: Изд. РГГМУ, 2006. – 276 с.)

Книга, о которой пойдёт ниже речь, заслуживает пристального внимания и серьёзного разговора по ряду причин: во-первых, она принадлежит перу одного из ведущих современных русских гоголеведов петербургской академической школы; во-вторых, её ожидаемое появление в свет было подготовлено для читателя целым рядом публикаций в научных сборниках, посвященных Гоголю; и, в-третьих, в силу вынесенной в заголовок проблемы, требующей в этом контексте своего чётко артикулируемого ответа из-за кажущейся простоты и самоочевидности онтологических и аксиологических координат.

На настоящий момент, как свидетельствует опыт, сформировался уже достаточно богатый корпус литературоведческих исследований и прочтений творчества раннего Гоголя, начиная от Д.Овсяннико-Куликовского, Н.Котляревского, В.Гиппиуса, И.Мандельштама, Андрея

Белого, Г.Гуковского и заканчивая Ю.Манном, М.Виролайнен, Ю.Барабашом, В.Мацапурой, А.Киченко. Корпус персоналий может быть, естественно, дополнен. А монографическое исследование В.Денисова в этом достаточно объемном ряду несколько не повторяет "затвердевший" опыт сложившейся традиции, видя её именно как "среду высказывания" в бахтинском понимании этого слова.

В свете новых аналитических практик, бросающих иной свет на художественную природу слова раннего Гоголя, его индивидуальную творческую стратегию, приходится со всей неизбежностью пересмотреть многое, в том числе и вечную оппозицию "автор–герой" в ее онтологической и аксиологической ипостаси, где определяющим моментом оказывается именно язык личности (М.Мамардашвили). Литературоведческая история понимания (С.Бочаров) такого автора как Гоголь с его человеческой тайной свидетельствует о том, что бытийная и ценностная граница между творцом (автором) и его творением (текстом) практически всегда подвижна, изменчива, непостоянна, провокативна; и поэтому ее актуализация во многом маркирована интерпретацией человеческого присутствия, кодом поэтического слова писателя. И здесь нельзя не согласиться с В.Денисовым, который сразу же указывает: "Обычного читателя (а тем более исследователя!) в творчестве Гоголя всегда привлекает и поражает та степень слияния героев с окружающим, которая обусловила "живучесть" этих образов в читательском сознании" (С. 3). Истина требует признать, что "жизненный мир" (Э.Гуссерль) с гоголевским хрестоматийным "всё что ни есть", а следовательно, и с анонимностью горизонта, нетематизированностью актуализирует момент хаотизации, в том числе и в плане непростых взаимоотношений автора и его героев. Соглашаясь с автором, нахожу уместным обосновать этот тезис В.Денисова (см. вышеприведенную цитату) несколько иначе, чем это сделал он сам. Сразу оговоримся: здесь лишь уточняется теоретический ландшафт, но не отвергается изначальная точка зрения петербургского ученого. Читателя, как наивного, так и профессионального привлекает "хрупкое мироздание" (М.Фуко), зафиксированное в авторском слове и слове героя, чьи антимирры соседствуют, сосуществуют в пространстве "большого времени" (М.Бахтин). И здесь поддаемся искушению задать вопрос (или сразу же несколько): а насколько совпадают изначальный мир с внутренними реалиями бытия? Существует ли смысловой зазор между словом автора и словом героя в бахтинском их понимании? И насколько они проясняют темноту смысла? Памятуя восточную мудрость, повторим ее, что только неправильные вопросы имеют ответ; на правильные вопросы ответа нет. По своей основной сути и книга В.Денисова зиждется на обстоятельном

и весьма тщательном филологическом поиске ответов на поставленные вопросы, которые (льщу себя надеждой) созвучны моим вопрошаниям.

Из сказанного видно, что аналитическая процедура требует учета как логоцентрических, так и антропологических факторов (слагаемых) рассматриваемого явления. По этому поводу необходимо сказать, что петербургский ученый с этим требованием справился достаточно успешно.

Композиционно книга В.Денисова состоит из трех частей, посвященных миру козачества, петербургскому портрету и образу Храма, удачно отображающих исследовательский сюжет литературоведа. Мысль-память (М.Хайдеггер) пронизывает гоголевский текст, коррелирует творческое поведение автора и житейские коллизии его многочисленных героев. Историческая составляющая творчества раннего Гоголя в научной литературе имеет свои проблемные узлы и камни преткновения (профессиональному читателю они известны), чья художественно-эстетическая, миромоделирующая роль до конца еще не выяснена. В конечном счете перед нами встает проблема художественного мышления автора, направленного на реализацию "идей времени" (В.Белинский). Насколько можно судить, именно эта коллизия и привлекает внимание ученого. Вероятностная природа исторического знания в подобной ситуации вынуждает актуализировать различные поверхности истории – естественной и искусственной, врожденной и приобретенной, реальной и вымышленной. Стоит отметить, что исследователь стремится учитывать упомянутую игру оппозиций, апеллируя именно к миру автора, с его увлеченностью историей как остатками проживаемого опыта.

Исторический модус автора, по мнению В.Денисова, всецело связан с романтической универсальностью. Недаром он замечает: "Романтическая идея универсальной взаимосвязи всего сущего, человека и окружающего очевидно восходит к христианской легенде о сотворении мира и человека, когда земное, материальное, "телесное" начало было одухотворено возвышенно-небесным" (С. 4). Помимо прочего, именно эта черта позволяет более четко маркировать границы художественной антропологии раннего Гоголя, с ее противопоставленностью "своего" и "чужого". Если исходить из всех этих соображений, очевидно, что авторская мысль Гоголя должна учитывать следующие смысловые нюансы: "чужое как чуждое", "чужое как свое" и "чужое как иное/другое". Такое предвосхищение исследователя во многом и предопределяет его аналитические стратегии в данной работе.

Общеизвестно, что художественный мир Гоголя антитетичен, отображая своим содержанием одновременно и саму логику жизни, и логику

творчества. Поэтому закономерна итоговая характеристика, к которой приходит петербургский литературовед: "природа Козачества соединила старое и новое, восточное и западное, чудесное и обыденное, Божественное и дьявольское, чему способствовали противоречивые историко-географические (в нашем понимании – геополитические), а также экономические (отсутствие торговых связей, уничтожение труда земледельца) и этические факторы, религиозные идеалы" (С. 35). Объективно подобная ситуация приводит к разному набору оценок, характеристик, логических акцентов со стороны вопрошающего. Отраднее констатировать, что В.Денисову удалось избежать пристрастных субъективных предпочтений, войдя в русло объективного рассмотрения порядка вещей. Исторические коллизии прошлого усложняются еще и последующими интерпретациями, оценочными напластованиями и характеристиками. Мне кажется, для автора монографии история (в ее бахтинской версии) – "след смысла в бытии", чьи маркеры в гоголевском мире весьма универсальны и динамичны.

Примечательно рассмотрение В.Денисовым гоголевской идеи исторического романа, с ее выстраиванием исторического смысла, бытийного универсума. Поиск жанра со стороны писателя закономерно свидетельствует о поиске своего слова и своего героя. Авторские намерения (имею в виду В.Денисова) достигнуть объективированной картины художественного познания (равно, художественного видения) Гоголя реализуются за счет использования различных аналитических практик: исследовательская точка зрения меняет угол зрения и масштабы видения – от микромира отдельной личности к всеобщей картине бытия. Суть важно то, что петербургский литературовед фиксирует типичный литературный жанр гоголевской эпохи – "фрагмент" ("отрывок из ..."). Фрагментарность видения художника способна свидетельствовать о желании восстановить распавшийся эпический мир хотя бы путем эпической циклизации, чему подтверждением и являются "Вечера" и "Миргород".

Анализируя "Тараса Бульбу" в контексте движения гоголевской авторской мысли, В.Денисов обнаруживает диалектику "своего" и "чужого" как одного из исторических мотивов. Он констатирует следующее: "Только "своей" в 1-й ред. виделась Гоголю украинская козацкая вольница – в ее постоянной борьбе с тремя, а то и четырьмя соседними народами, в ее вольном анархическом отличии от чужой – жесткой и жестокой – русской самодержавной "вертикали власти", а во 2-й ред. Запорожская Сечь стала частью Святой Православной Руси – в ее вечном противостоянии чуждым, "неверным" Западу и Востоку" (С. 74). Последнее, правда, выглядит как некая авторская утопия писателя, желание все же соединить

воедино утраченные исторические связи и корни. Но ведь художественное слово – это бытие-общение (М.Гиршман), требующее со стороны читателя вслушивания, приобщения к мысли Другого. Вспомним здесь и реплику М.Бахтина, заметившего что "слово как бы живет на границе своего и чужого контекста", обозначая собой смысловую границу "Я" и "не-Я".

Вторая часть книги В.Денисова начинается риторическим вопросом: "Что же соединяло в сознании Гоголя его любимую Малороссию и Санкт-Петербург?" (С. 140). И почти сразу же дается ответ в его гипотетической версии, требующей последующей степени доказательности. Это звучит так: "Отношения козацкого и петербургского в художественном мире Гоголя тоже можно понимать и как связи прошлого с настоящим, идеала с его последующим историческим искажением, а также причины и следствия... исторические связи, военные, мистические..." (С. 140). Как видим, все же объединяющим началом здесь служит фигура самого автора, с его взглядом на мир, его прошлое (историю) и на самого человека. Но гоголевский человек в Петербурге поставлен в иные бытийные и ценностные рамки, его отличает иной ценностный опыт как личностный, так и исторический. Со всей убедительностью В.Денисов показывает диалектику художественного видения раннего Гоголя от дробности, фрагментарности к целостности. Примечательно, что исследовательское внимание сосредоточено на повести "Портрет", с его таинственной атмосферой судьбы художника, исканиями собственного идеала. И вновь вступают в полемику логика жизни и логика творчества. Извечное противостояние, нескончаемый диалог Слова и мира. А средоточием этого спора и оказывается человек.

Следуя этой логике вещей, диканьский и петербургский миры обнаруживают внутреннюю интертекстуальность как мира автора во всей его целостности, так и миров его героев, претендующих гипотетически на эту целостность. В ряде предыдущих своих работ, рассматривая жанровую природу "Арабесок", В.Денисов акцентирует свое внимание именно на гоголевском замысле данной книги, где соседствуют исторические экскурсии писателя и повести из современной ему петербургской жизни. Исследователь и здесь однозначно подчеркивает диахронную взаимосвязь украинских и петербургских повестей именно сквозь призму индивидуального человеческого "Я" писателя. В этой связи он пишет: "Для осведомленного читателя того времени сборник должен был совместить **творчество малоросса**, потомка Козаков Гоголя, помещавшего художественные фрагменты и статьи в изданиях пушкинского круга, – с **деятельностью петербуржца** Н.В.Гоголя-Яновского, учителя истории, географии, статистики Патриотического института, ныне адъюнкт-профессора в Пе-

тербургском университете, который печатал свои "ученые" статьи в официальном "Журнале Министерства народного просвещения" 1834 г." [С. 141–142; выделено В.Д.]. Трудно усомниться, что В.Денисов не ощущает смыслового зазора между внутренней логикой словесного творчества и алогизмом обыденной, приватной жизни. Не станем лукавить: искомый водораздел между этими явлениями человеческого бытия слишком минимизирован, едва фиксируем нашим сознанием и поэтому с трудом поддается формально-логическому маркированию.

Суть важно, что архитектоника гоголевского "Портрета" проанализирована В.Денисовым в нескольких концептуально-аналитических ракурсах, с учетом "опыта традиции" (Гадамер) истолкования повести о художнике. Нужно воздать должное пронизательности исследователя, обнаружившего диалектику ценностной парадигмы писателя. Догадка петербургского литературоведа лишь подчеркивает, насколько непросто взаимоотношения мира автора и миров его героев. В.Денисов, рассматривая жанровую аксиологию писателя, замечает: "По-видимому, для Гоголя портрет как одна из художественных форм изображения человека тоже подвержен историческим изменениям, которые зависят от "духа" эпохи. А потому для современности характерны и единичные "небесные", высокие образцы жанра и множество противопоставленных им "земных", низовых ремесленных форм" (С. 167). Сама промежуточность ("между искусством и ремеслом") бытийных координат человека у раннего Гоголя лишь подтверждает в определенной степени "дихотомию текста и мира героев" (Н.Тамарченко).

Любопытна и перспективна мысль В.Денисова о наличии в истории о художнике Черткове концепта маски как бытийной и ценностной позиции в мире гоголевского героя. Он обнаруживает, что "неподвижные черты лица в сочетании с "живыми" глазами подобны маске" (С. 167). Имеет смысл предположить наличие связи "масок" как в диканьском, так и в петербургском мирах.

Имеет смысл предположить, что раздел, посвященный образу Храма в творчестве Гоголя, призван композиционно объединить "козаческий" и "петербургский" вектора и во многом объяснить последующие шаги писателя в его творческой биографии. Духовный поиск писателя от изображения "внешнего" человека к его внутренней сущности во многом предопределен идеей Храма, чье строительство и есть вся жизнь личности. Это следует особо подчеркнуть, ибо логика становления этого образа в художественном мире писателя изобилует не только ответами, но и великим вопрошанием как к отдельной судьбе, так и историческим судьбам человечества.

В общем и целом понятно стремление исследователя видеть мир Козачества именно как поэтическую историю народа, что позволяет во многом обнаружить диалектику взаимоотношений мира автора и миров его героев. "Полуденная Россия" (то есть Украина) в гоголевской интерпретации предстает источником писательского вдохновения, началом его творческой биографии. В.Денисов достаточно убедительно реконструирует украинский мир Гоголя, привлекая самые различные аргументы и доказательства. Правда, в одном случае пострадал хутор Субботов, родовое гнездо Богдана Хмельницкого (см. с. 57), обозначенный ученым как "Субботово". Но это уже частности и детали. Мои сомнения по поводу теоретических установок автора монографии и частные критические замечания ни в коей мере не призваны зачеркнуть им сделанное.

В свете того, что В.Денисов проговаривает столь актуальные вопросы гоголевского творчества (повторюсь, при всей их кажущейся простоте), открывается возможность взглянуть на художественный мир писателя, его эволюцию с точки зрения взаимоотношений автора и его героев, где писательская позиция может быть истолкована именно как художественная деятельность (Н.Рымарь, В.Скобелев). Думается, что данное исследование своим содержанием обозначит еще один аналитический путь в исследовании великого писателя.